

Tolstov S.P., Livshitz V.A. 1964: Decipherment and Interpretation of the Khwarezmian Inscriptions from Tok Kala // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. XII. 1–2, 231–251.

Zeki Velidi Togan A. 1927/28: Hwāremische Sätze in einem arabischen Fiqh-Werke // *Islamica*. Bd 3. Lpz, 190–213.

Zeki Velidi Togan A. 1951: Muqaddimat al-Adab. With the Translation in Khorezmian (Publications of the University of Istanbul. № 498. Publications of the Institute of Turkish History). Istanbul.

PERSONAL NAMES IN THE KHWAREZMIAN LANGUAGE

V. A. Livshits

The article presents a survey of Khwarezmian anthroponymy and its sources (partly still unpublished) in connection with the history of the Khwarezmian language and literature since the Achaemenid period. The author suggests a number of new etymologies and corrections for those already proposed. Numerous parallels with the onomastics of other Iranian peoples are drawn.

© 2011 г.

А. В. Омельченко

ИЗ ИСТОРИИ КИТАБО-ШАХРИСАБЗСКОГО ОАЗИСА (ДРЕВНЕГО КЕША)

В статье на основе имеющихся в настоящее время исторических источников и археологических материалов рассматриваются вопросы политической и экономической истории одной из областей Согдианы – древнего Кеша, располагавшегося на юго-востоке Узбекистана.

Ключевые слова: История, археология, нумизматика, Средняя Азия IV в. до н.э. – IV в. н.э., Согдиана, Кашкадарья, древний Кеш (Киш, Каш).

Китабо-Шахрисабзский оазис занимает территорию пяти современных вилайетов Кашкадарьинской области, расположенной на юго-востоке Узбекистана. Площадь оазиса составляет около 7000 км²; с севера, от Самаркандской области (Центрального Согда), он отделен отрогами Зеравшанского хребта, с юга от Сурхандарьинской (Северной Бактрии-Тохаристана) – Гиссарского (рис. 1). Естественную границу между Китабо-Шахрисабзским оазисом (Восточной Кашкадарьей) и расположенной западнее Каршинской степью образует узкое понижение – котловина возле селений Чим и Араб, примерно в 10 км к западу от современного Чимкурганского водохранилища¹. Равнинная полоса вдоль р. Кашкадарья и охватывающие ее полукольцом предгорья-адыры благодаря насыщенности водными источниками и достаточно мягкому климату весьма благоприятны для обживания².

Омельченко Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

¹ Пославская 1987, 12, 16–17, 21; Кабанов 1981, 115; Массон 1973, 57.

² Кашкадарьинская область 1959, 94.

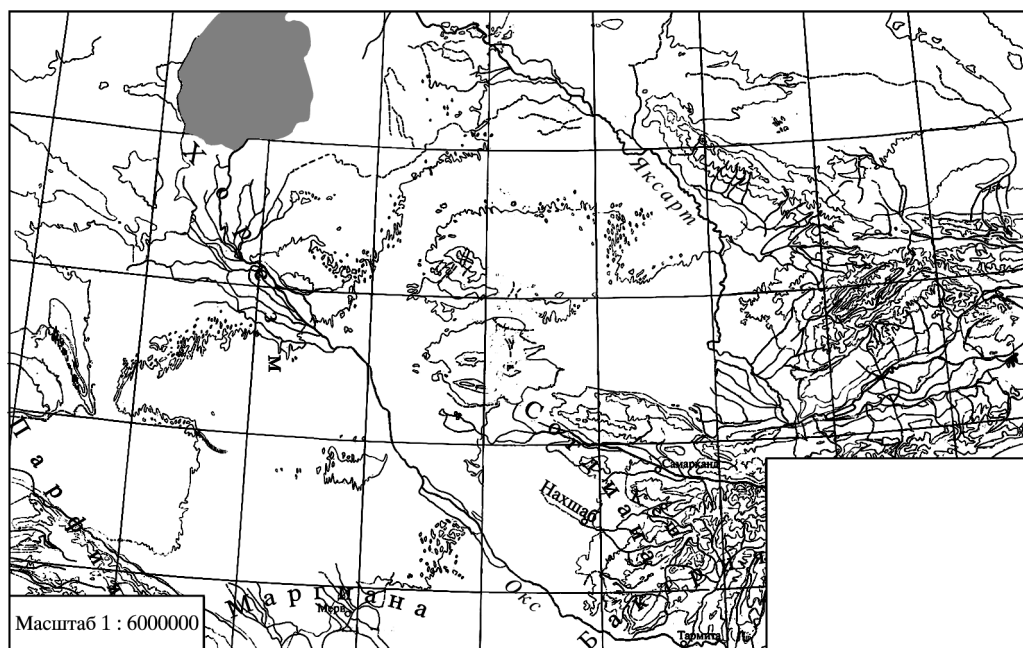

Рис. 1. Историко-культурные области Средней Азии в эпоху античности

История древнего Кеша скупо освещена в письменных источниках, что придает решающее значение археологическим и нумизматическим данным. Не углубляясь в историю археологического изучения оазиса, отмечу, что информативные полевые материалы были получены здесь только в послевоенные годы работами С.К. Кабанова³. В частности, его исследования в Китабе⁴ подтвердили основанные на анализе средневековых письменных источников выводы М.Е. Массона о том, что центр области Кеш с античного времени вплоть до эпохи раннего средневековья находился на территории города.

Новый этап изучения памятников Восточной Кашкадарьи начался в 1963 г. с созданием на базе кафедры археологии исторического факультета Ташкентского государственного университета (ТашГУ) М.Е. Массоном КАТЭ – Кешской (Кашкадарьинской) археолого-топографической экспедиции, одной из задач которой стало изучение памятников античного периода. Исследование экспедицией Китабского городища расширило представления о топографии, архитектуре и ремесленном производстве античного города⁵. Работы на западе оазиса, в районе Чимкурганского водохранилища, впервые открыли керамику «ахеменидского времени», V–IV вв. до н.э.⁶

В начале 1970-х годов КАТЭ приступает к созданию археологической карты Китабо-Шахрисабзского оазиса. Исследования показали, что большинство поселений античного времени в Камашинском⁷ и Яккабагском районах⁸ располагались

³ Кабанов 1955, 90, 95.

⁴ Кабанов 1962, 42–53.

⁵ Крашенинникова 1968, 60–64; 1989, 27–31 и др.

⁶ Усманова 1973, 53–55.

⁷ Усманова, Дресвянская 1974, 15–27; Лунина, Столярова, Дресвянская 1974, 483.

⁸ Сагдуллаев 1979, 80–82; 1980, 457; Усманова, Сагдуллаев 1981, 13–21.

«гроздьями». Они были связаны с древними путями, ведущими из Северной Бактрии в центральную часть долины и далее, через перевалы Джам и Тахта-Карача – в Самаркандский Согд. Значительное сходство материальных комплексов по обе стороны отрогов Гиссара позволило исследователям высказать предположение об освоении Восточной Кашкадарьи земледельцами – выходцами из Северной Бактрии⁹. Отдельной задачей стало изучение горного промысла древнего Кеша, начало которого в северо-западных отрогах Гиссарского хребта относят к античной эпохе¹⁰. Итоги работ КАТЭ 1960-х – начала 1970-х годов были подведены в специальной публикации, в которой большое внимание уделялось памятникам античного периода¹¹.

Большим событием в истории археологии Кеша 1980-х годов стало обнаружение и изучение поселений VIII–IV вв. до н.э. в Китабском районе, прежде всего Узункира (70 га), Подаятактепа с мощной фортификацией и расположенного рядом Сангиртепа. Был сделан вывод о том, что именно здесь, по среднему течению Шуробса, мог располагаться древний центр области Наутака, известной по источникам, освещающим поход Александра Македонского на восток¹².

Материалы, полученные в ходе работ конца 1970-х – начала 1980-х годов, позволили рассмотреть вопросы районирования и типологии памятников античного времени, а также представить динамику развития культуры области начиная с прихода первых земледельческих групп¹³. Была поставлена проблема изучения древних путей, ведущих с юга через территорию Кашкадарьи в центральные районы Средней Азии¹⁴, и указано на их связь со спецификой размещения и топографией поселений, а в ряде случаев – с источниками полезных ископаемых¹⁵. Также была предложена локализация ряда упоминаемых в исторических свидетельствах областей расселения и их центров¹⁶. В специальной работе было дано полное описание монетных находок, зафиксированных к тому времени на территории Восточной Кашкадарьи¹⁷.

Дальнейшее изучение Китабского района во второй половине 1990-х годов проводилось совместными работами кафедры археологии ТашГУ со специалистами музея истории г. Шахрисабза¹⁸, а также Института археологии АН РУз и Университета Беркли (США). Были поставлены вопросы об этапах освоения оазиса, типологии поселений, специфике местной школы коропластики¹⁹; на основе новых находок сделана попытка создать керамическую шкалу, охватывающую период с конца IV в. до н.э. до IV в. н.э.²⁰

Полученные археологические материалы наряду с письменными данными позволяют предложить реконструкцию и политической истории Кеша.

Компактное географическое размещение области повлияло на сложение своеобразного культурного комплекса, отличающего ее от соседних Бактрии и Са-

⁹ Сагдуллаев 1984, 155, 161.

¹⁰ Пругер, 1986.

¹¹ Массон 1977, 3–63.

¹² Крашенинникова 1985б, 533–534; 1986, 461.

¹³ Сагдуллаев 1987а, 131–134.

¹⁴ Сагдуллаев 1981, 33–38.

¹⁵ Дресвянская 1990, 56–58.

¹⁶ Ртвеладзе 1981, 95–101; Сагдуллаев 1988, 223–230; Сагдуллаев, Лушпенко 1989, 40–42.

¹⁷ Ртвеладзе 1988, 38–43.

¹⁸ Омельченко, Мамадиев 1999, 72–75; Омельченко 2003, 118–124.

¹⁹ Омельченко 2002, 61–71 и др.

²⁰ Омельченко 2006, 137–142; 2010, 127–143.

маркандского Согда. В сведениях, относящихся к началу I тыс. до н.э., получивших отражение в авестийском «Михр-яште»²¹, среди таких областей, как Мерв и Хорезм, упоминается «Согдийская Гава». О ней говорится и в первом фрагменте «Видевдата»²². Краткость информации не дает возможности сделать определенное заключение – имелся ли в виду весь регион Согда или какая-то из его частей. Однако ряд топонимов в Китабо-Шахрисабзском оазисе: река Гава – приток Тупалангдарьи, одноименные горная вершина²³ и перевал, несколько пунктов, развалины поселений-тепа – позволяют связать «Согдийскую Гаву» с долиной Кашкадарьи²⁴. Как бы ни решался этот вопрос сейчас, весь комплекс материалов свидетельствует в пользу вхождения оазиса в доантичный период в Согд.

В известных до последнего времени древнеперсидских источниках не было сведений об отдельных подобластях расселения или городах на территории Согдианы. Однако в недавно обнаруженных в Афганистане арамейских документах, переписке 348 г. до н.э. между должностными лицами ахеменидской администрации в Бактрии, среди прочих упоминаются два города Никшапай и Киш, которые исследователи²⁵ отождествляют с южносогдийскими Нахшабом и, возможно, Кешем²⁶. Если это так, то практика управления районами Согда из Бактрии (которая составляла другую сатрапию), существовала уже в позднеахеменидское время.

В работах, повествующих о походе Александра Македонского на восток, в том числе в Среднеазиатское Междуречье, также упоминаются различные районы Согда. На территории Кашкадарьи имел место ряд важных эпизодов борьбы среднеазиатских народов с завоевателями²⁷. В согдийской земле Наутака (Навтака) был пленен Птолемеем после ухода за Амударью бактрийский сатрап Бесс (Arr. Anab. III. 28. 8–10; 30. 1–5). Отсюда греко-македонская армия направилась в долину Зеравшана, скорее всего, через более проходимый, чем Тахтакарача, перевал Джам²⁸.

В 328/327 г. до н.э. Александр зимовал в Наутаке (Arr. Anab. IV. 18. 1–2). Место для зимовки было выбрано не случайно, так как область занимала центральное положение между Бактрией и Согдом, что соответствует нахождению Китабо-Шахрисабзского оазиса. Пункты, где ранее останавливался Александр, обычно представляли собой крупные центры, имеющие стены и возможность для размещения большого контингента войск. Таким требованиям вполне отвечало городище Узункир в Шуробсайском оазисе. Условия местности здесь были благоприят-

²¹ Михр-Яшт. 14 (Авеста 1990, 57).

²² Видевдат. I. 4 (Оранский 1960, 83).

²³ Бабушкин, Когай 1964, 132.

²⁴ Лушпенко 1998, 28; Кадимги Кеш-Шахрисабз... 1998, 10.

²⁵ Sh. Shaked (см. Кошеленко 2007, 218).

²⁶ О том, какому археологическому памятнику соответствовал Киш в Китабо-Шахрисабзском оазисе, можно говорить пока предположительно. В Китабе (столице Кеша позднее) нет слоев ранее III в. до н.э. Однако на расположенном в 12 км Узункире, крупнейшем центре оазиса эпохи РЖВ и ахеменидского времени, зафиксировано несколько перестроек стен. См. Лушпенко 1988, 23, 25.

²⁷ Этот вопрос многократно рассматривался в научной литературе. См., например, Ртвеладзе 2000, 104–112. Считается, что самые надежные данные содержатся в «Анабасисе Александра» Квинта Эппия Флавия Арриана, так как они почерпнуты прежде всего из дневников современников походов Александра. См. Квинт Курций Руф 1963, 9–10.

²⁸ Массон 1973, 8.

ны, а сам район располагался в близости от мест возможных восстаний и горных согдийских убежищ²⁹.

Весной 327 г. до н.э. Александр выступил для захвата «Согдийской скалы» – «скалы Оксиарта» (Arr. Anab. III. 28. 10; IV. 18. 4), или «Аримазы» (Curt. VII. 11), которая локализуется в северных отрогах Гиссарского хребта³⁰, в верховьях р. Аксу³¹ или в районах, прилегающих к р. Зеравшан, к востоку (юго-востоку) от Самарканда³². В дальнейшем на территории, географически примыкающей к Наутаке, разворачиваются военные действия, связанные с взятием скалы Хориена в области паретаков (Arr. Anab. IV. 21. 1–9). Главным аргументом в пользу локализации Наутаки по среднему и верхнему течению Кашкадарьи служат упоминания о том, что ее окружали горы (Curt. VIII. 2. 19–21). В то же время, судя по контексту, Ксениппа располагалась в низовьях Кашкадарьи, на границе со степными районами³³. Столичным городом здесь являлось крупное городище, известное сейчас как Еркурган и отождествляемое с древним Нахшабом³⁴. В настоящее время эта точка зрения принята большинством исследователей³⁵.

События, имевшие место в Средней Азии во время «Индийского похода» греко-македонской армии и после смерти Александра Македонского, в период борьбы диадохов и вхождения региона в состав Селевкидского, а затем Греко-Бактрийского царства, большого освещения в греко-римских источниках не получили. Однако их анализ показывает, что и в дальнейшем судьбы областей к северу и югу от Амударьи были тесно связаны: сатрапы, назначаемые Александром в Бактрию, правили одновременно в Согдиане. Они опирались на достаточно крупные греко-македонские военные соединения, о чем говорят два больших (325 г. и 323 г. до н.э., при наместнике Филиппе) восстания солдат, требовавших возвращения домой.

На присутствие какого-то количества греческого или неместного эллинизированного населения в Согдиане указывают и археологические материалы (Афрасиаб, Коктепа, Нуртепа, Подаятактепа³⁶), а также исторические источники, упоминающие поселения-катоикии, на жителей которых опирались эллинистические правители Среднего Востока.

После передела 321 г. до н.э. сатрапом в северо-восточных областях был киприот Стасанор из Сол, который прислал Евмену войска (что также показательно) для борьбы с Антигоном Одноглазым. По свидетельству Диодора, Тлеполема и Стасанора «...вели себя хорошо в отношении местного населения и имели много сторонников» (Diod. XIX. 48. 1). Около 306 г. до н.э. полководец Александра Селевк присоединяет к своим владениям Бактрию вместе с Согдом, а около 293 г. до н.э. соправителем на Востоке становится сын Селевка Антиох³⁷.

²⁹ Несколько по-иному описывает события Курций Руф (VIII. 2. 19–33).

³⁰ Ртвеладзе 1981, 96.

³¹ Шевяков 2002, 123.

³² Пьянков 2004, 99–100. Исследователь полагает, что эти события имели место в 328 г. до н.э.

³³ Гипотезу о локализации Наутаки в Китабо-Шахрисабзском оазисе первыми выдвинули В. Томашек, Ф. Шварц; см. также Кабанов 1977, 87; Ртвеладзе 1981, 97, 98; Крашенинникова 1985б, 533–534; Сагдуллаев 1987б, 14.

³⁴ Сулейманов 2000.

³⁵ Грене 2002, 10–11; Абдуллаев 2002, 35; Рапен, Рахманов 2002, 47 и др.

³⁶ Шишкина 1975, 60–79; Исамиддинов 2002, рис. 127 сл.; Негматов, Беляева 1988, 19–31; Омельченко 2006, 137–142.

³⁷ История таджикского народа 1998, 322–324, 327.

В период правления первых Селевкидов Согдиана все активнее втягивается в орбиту влияния эллинистического мира. Развиваются товарно-денежные отношения, подтверждением чему служат обнаружение раннеселевкидских монет (в том числе медных) в районах к югу от Сырдарьи, исключая Хорезм, и хождение в Южном и Центральном Согде, по всей вероятности, с конца III в. до н.э. подражаний монетам селевкидских царей. Одним из результатов строительной деятельности Антиоха в Согдиане, по-видимому, стал перенос столицы Китабо-Шахрисабзского оазиса из Узункира в район современного города Китаба, на берег полноводной реки Аксу.

Анализ письменных и нумизматических данных допускает несколько возможных вариантов реконструкции последующих событий. Первые греко-бактрийские цари, по-видимому, включили в свои владения Согдиану, простиравшуюся, по Страбону, до Яксарта (XI. 10. 2). Согласно принятой точке зрения, они потеряли ее в период, когда основное их внимание было переключено на юг, на завоевание Индии, и осложнилась внутривосточная ситуация из-за борьбы между Деметрием и Евкратидом. Однако, по другой версии, области Согда могли отпасть от Греко-Бактрии еще при Евтидеме³⁸ или ранее³⁹, на что указывают общие тенденции в чекане и независимость обращавшихся в Центральном и Южном Согде монет от греко-бактрийской эмиссии⁴⁰. Между 256 и 231 годом⁴¹ до н.э. Диодот I выпускает в Бактрах отличную от общегосударственной, селевкидской монету, где ставит имя Антиоха, своего покровителя, отказывая современным ему селевкидским царям в праве на наследование власти на Востоке⁴². Только через 10 лет Диодот стал чеканить монету со своим именем⁴³. По такому же направлению могла развиваться ситуация и в Согде, хотя здесь, в силу отсутствия письменных данных, точная последовательность событий неизвестна. Существует предположение, что Евтидем (235–200 гг. до н.э.) являлся сатрапом Согдианы⁴⁴ и отнял власть у Диодота II, опираясь на отряды греческих переселенцев.

Конец III в. до н.э. характеризуется политическими изменениями, связанными с попытками Селевкидов (Антиох III) вернуть утраченные на востоке земли и нашествием кочевников. По-видимому, массовое проникновение в оазисы Средней Азии племен сако-сарматского круга⁴⁵ происходило еще в конце III – начале II в. до н.э. (т.е. до прихода юэчжей китайских хроник), и именно об этой опасности Антиоха III предупреждал Евтидем (Polyb. XI. 34. 1–11). Возможно, в сложении самостоятельных согдийских владений значительную роль сыграли походы сако-сарматских племен сакарауков (сакараулов) и асианов, о которых говорят Помпей Трог и Страбон (Pomp. Trog. Prol. XLI; Strabo. XI. 8. 2). Ряд исследователей включают асиев в аланский племенной союз, игравший значительную роль в Евразийской степи в первые века до и после нашей эры⁴⁶.

Общие закономерности политической истории в долинах Зеравшана (Центральном Согде) и Кашкадарьи на данном этапе отражают синхронные изменения

³⁸ Бопераччи 1990, 31; Абдуллаев 1997, 54.

³⁹ Пилипко 2002, 209; Мусакаева 1999, 79.

⁴⁰ Массон 1986, 60.

⁴¹ Бирюков 2002, 27.

⁴² Абдуллаев 1999, 88.

⁴³ История таджикского народа 1998, 340.

⁴⁴ Гафуров 1989, 133.

⁴⁵ Обельченко 1992, 224.

⁴⁶ Малавкин 1989, 203; Филанович 1990, 102–104.

в их денежном обращении. Как показывают последние находки, самостоятельный чекан восточных районов Южного Согда непосредственно связан с подражаниями монетам с «типом Александра»⁴⁷. Последние чеканились и при Антиохе I (в Зеравшанском Согде обращались монеты с головой коня на реверсе⁴⁸). Можно предположить, что, воспользовавшись возникшей после смерти Антиоха I нестабильной политической ситуацией, местная согдийская знать добивается самостоятельности. Выпуск монет с изображением правителя в образе Александра, на мой взгляд, с одной стороны, означал подтверждение легитимности ее власти, с другой – отражал претензии правителей Согда на династические связи с македонскими правителями. По источникам известно, что в целях прекращения повстанческого движения в Согдиане и Бактрии Александр Македонский и ряд его военачальников породнились с согдийской знатью, а сам Антиох был согдийцем по своей матери Апаме – дочери Спитамена. Особое отношение к Антиоху I как наполовину согдийцу отмечают и другие исследователи⁴⁹.

Евкратиду (ок. 171–155 гг. до н.э.) пришлось вести многочисленные войны с соседями, в том числе с согдийцами (Pomp. Trog. XLI. 6. 3). Монеты этого царя являются последними из чекана Греко-Бактрии, которые в большом количестве встречаются в Восточной Кашкадарье. По-видимому, эти столкновения были связаны со стремлением областей Согда, в противовес намерениям своих южных соседей⁵⁰, утвердиться в качестве самостоятельных владений во главе со своими династами, тем более что в глазах и местного населения, и самих греков (ср. Polyb. XI. 34. 1–11) правители Бактрии, не связанные родством с Александром или его диадохами, не имели права на власть. В результате этих событий ряд районов Средней Азии был захвачен парфянами, о распространении влияния которых на восток и захвате Балха одним из первых Аршакидов говорит, в частности, «История Армении»⁵¹. На мой взгляд, правы исследователи, полагающие, что парфяне действовали вместе с этнически близкими им племенами сако-сарматского круга⁵². Вполне возможно, что этот союз был поддержан правителями областей Согда.

Следующий этап крупных политических изменений в Средней Азии в целом связан с новой волной движения кочевников и отражен в основном в китайских хрониках. Наиболее ранние данные отражены в «Исторических записках» («Ши Цзи») ханьского историографа Сыма Цяня. В них вошли сведения Чжан Цзяня – посла императора государства Ранняя Хань У-ди к юэчжам (138–123 гг. до н.э.) – и другие официальные материалы о «Западных странах» до I в. до н.э.

В «Записках» говорится о владении Канцзюй (Кангюй) между Даванью и Большим Юэчжи⁵³, центр которого локализуется по Средней Сырдарье⁵⁴. В хрониках (около 30 г. до н.э.) указывается на особенное усиление Канцзюя, когда послы Хань вынуждены были ждать приема его правителя, а население владения достигало 600 тыс., армия – 120 тыс. человек, превышая численность воинов соседей – юэчжей. Согдийские владения, по-видимому, признали себя вассалами нового объединения. Одно из таких полусамостоятельных княжеств с одноименной столицей упо-

⁴⁷ Омельченко 2001, 14–16; Наймарк 2008, 56.

⁴⁸ Мусакаева 1999, 79.

⁴⁹ История таджикского народа 1998, 340.

⁵⁰ Лионе 2000, 76; Исамиддинов, Рапэн, Хасанов 2002, 27.

⁵¹ Мовсес Хоренаци 2. 2.

⁵² Пилипко 2002, 209–210.

⁵³ Бичурин 1950, 151.

⁵⁴ Толстов 1948, 240; Подушкин 2000, 170–171.

минается в дополненной новыми сведениями династийной истории конца I в. до н.э. «Цянь Хань Шу» под именем Су-Се. Оно локализуется, как показывают дальнейшие сведения, в восточной части Кашкадарьи⁵⁵. Само название, по всей вероятности, передает согдийское звучание названия области – Кеш (Каш, Киш). Оно зафиксировано и более поздними источниками: надписями из Культобе⁵⁶ III в. н.э., надписью Шапура I на «Каабе Зороастра», составленной около 262 г.⁵⁷, и на монетах с изображением сцены единоборства, выпускаемых в Кашкадарье, по-видимому, с IV в.⁵⁸

Политическая ситуация в согдийских владениях в первых веках нашей эры, как и в других восточных областях Средней Азии, остается одной из наиболее слабо изученных страниц в истории региона. Реконструировать ее в какой-то степени помогают нумизматические данные. Изменения в иконографии аверса местных монет указывает на перемены, связанные с утверждением у власти в области представителей новой династии. Вероятно, как это часто имело место в более поздние исторические периоды, она была связана с кочевой знатью. Можно предположить, что появление изображения Геракла с палицей и инвестирующим кольцом означало законную передачу власти новой династии (всего Южного Согда? основатель – Абтат?)⁵⁹, подчеркивающей в то же время преемственность с местными правителями (изображение сидящего Зевса на реверсе). Возможно, династии, утвердившиеся на рубеже II–I вв. до н.э. в землях Согда, происходили из юэчжийской среды (как, например, «юэчжи из рода Чжао’у»⁶⁰) или племен, этнически им близких. Эти дома могли быть связаны и династически: на это как будто указывают близкие изображения (фигура стоящего Геракла) на реверсах «гемиоболов», ходивших в Кеше, монетах правителей к югу от Гиссара – Фсейгахариса и Куджулы Кадфиза, а также монетах Гиркода, земли которого локализируются по Зеравшану⁶¹. Интересно, что в одном случае отмечена монета, лицевая сторона которой точно соответствует аверсу последних, на реверсе же изображен Зевс-Этофор, как на монетах Кеша⁶². «История Армении» и «История» епископа Себеоса также рисуют картину широких родственных связей между правящими в областях Средней Азии домами⁶³.

Несмотря на наличие достаточно мощных фортификационных сооружений на границе между Бактрией и Согдом⁶⁴, по обоим склонам западных отрогов Гиссара (в Бактрии – оборонительной системы Дарбанда и др.⁶⁵, в Кеше – системы крепостей на выходах дорог в центральные районы области), отношения между Кангюйским объединением и Кушанской империей, по-видимому, носили мирный характер. В I–II вв. сферы интересов этих государств в основном (исключая конфликт в Восточном Туркестане) имели различное направление: Канцзюй распространяет свою власть на запад вплоть до владения Яньцай–Аланья⁶⁶, кушанские цари

⁵⁵ Боровкова 1989, 6, 7, 30, 65, 66; Малявкин 1989, 230, 273.

⁵⁶ Sims-Williams, Grenet 2006, 106–107.

⁵⁷ Луконин 1969, 20–44.

⁵⁸ Ртвеладзе 2002, 126.

⁵⁹ Шахрисабз... 2002, 14.

⁶⁰ Ставиский 1977, 102; Малявкин 1989, 223, 257.

⁶¹ Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев 2000, 70; Мусакаева 1990, 70.

⁶² Зеймаль 1983, 77.

⁶³ Полагают, что к этим свидетельствам нужно относиться с оговорками: История таджикского народа 1998, 429.

⁶⁴ Массон 1968, 25.

⁶⁵ Rtveldadze 1990, fig. 3.

⁶⁶ Боровкова 1989, 98.

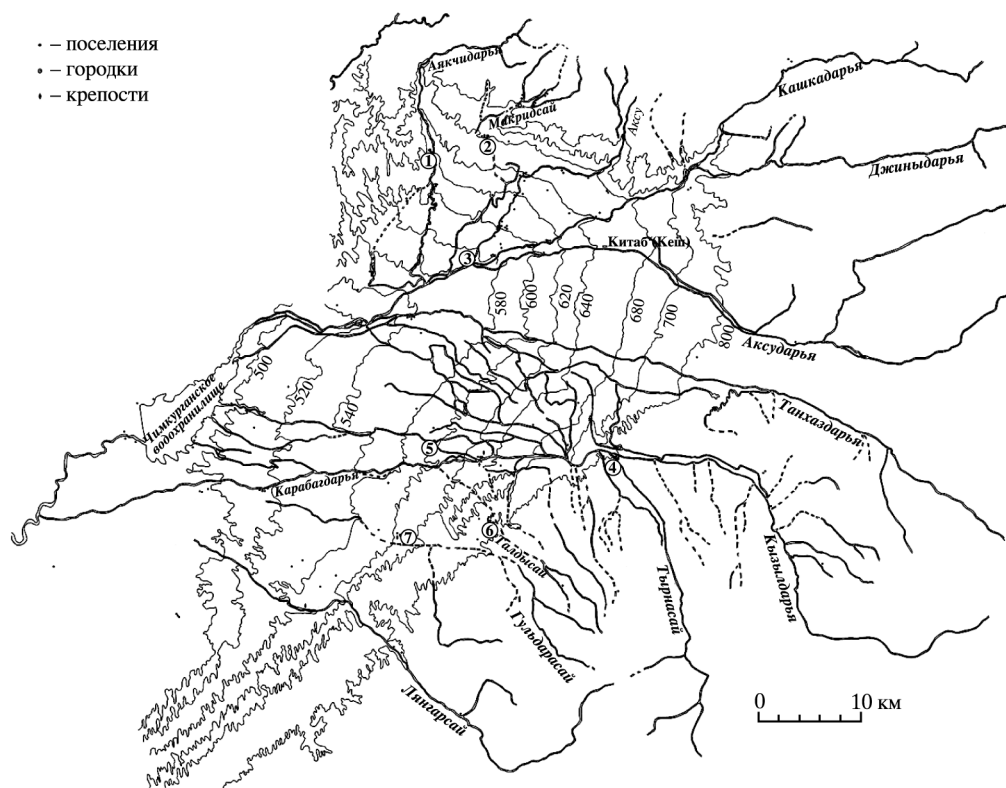

Рис. 2. Кеш в эпоху античности. 1 – Каттаджартепа, 2 – Кургантепа, 3 – Сарайтепа, 4 – Чечактепа, 5 – Гаумурдатепе, 6 – Кайрагачтепа, 7 – Парманкултепа

присоединяют области Северной Индии. Археолого-топографические материалы также указывают на поступательный подъем экономики в долинах Амударьи, Кашкадарьи и Зеравшана, связанный с расширением сельскохозяйственных площадей, развитием ремесел и торговли и не сопровождавшийся губительными войнами. Ряд находок свидетельствует о взаимовлиянии культур Бактрии и восточных районов Южного Согда в первые века нашей эры⁶⁷. Тем не менее, в этот период в целом чувствуется нарастание различий (что отмечали и исследователи западных районов долины Кашкадарьи⁶⁸) между культурными комплексами Южного Согда и Бактрии, когда-то очень близких.

В первые века нашей эры в Восточной Кашкадарье насчитывалось до 33 подрайонов расселения, образующих 15 культурно-хозяйственных районов, что близко числу рустак, зафиксированных средневековыми арабскими источниками⁶⁹. Отличительной чертой области после рубежа нашей эры являлся свободный характер расселения жителей, что говорит о наличии значительных запасов земли

⁶⁷ Омельченко 2000, 8–9; 2010, 127–143.

⁶⁸ Исамиддинов 1979, 65.

⁶⁹ Бартольд 1964, 464, 468; 1965, 115, 464, 206. К округе Кеша относили 16 рустак-районов. Интересно, что среди них на юге фигурируют рустак по Гузардарье и долина р. Сангардак современной Сурхандарьинской области. Таким образом, на каком-то хронологическом промежутке область Кеша охватывала значительные районы и в южных отрогах Гиссарского хребта.

для последующего освоения. Не в каждом районе отмечены крупные поселения; выделяются семь больших пунктов, расположенных на юге и севере Кеша (рис. 2). Все они сформировались на основе крупных рассредоточенных поселений предшествующего этапа, имели цитадели, в ряде поселений отмечены следы ремесленного производства. На наш взгляд, эти пункты полусельского-полугородского типа демонстрируют один из путей сложения городских организмов как в восточных районах Южного Согда, так и во всей Средней Азии. Функционирование подобных центров, строительство в Кеше крупных магистральных каналов, связавших микрооазисы, а также укрепленных пунктов в местах выходов каналов и саев на равнину и по главным дорогам оазиса определенно свидетельствуют об усилении экономической мощи области и централизации власти.

Угроза со стороны северных соседей и претензии на земли Средней Азии быстро расширяющегося сасанидского Ирана, разгромившего государство кушан, по-видимому, вынудили правителя Кангюя в III в. перенести свою ставку в долину Кашкадарьи⁷⁰. Возможно, с этим связано проникновение на юг со среднего течения Сырдарьи элементов каунчинского культурного комплекса. Отмечаемое исследователями⁷¹ движение его носителей через предгорья Нуратинского хребта (Булакбаши⁷²) в восточную часть Южного Согда (предгорья Зеравшанского и Гиссарского хребтов) определялось, прежде всего, сходством природных зон, в которые шло расселение. Однако, в отличие от степных районов Кашкадарьи, археологические материалы ее восточной половины не позволяют говорить о массовом проникновении скотоводческого населения.

Существует точка зрения, согласно которой следует с доверием относиться к данным «Каабы Зороастра» (около 262 г. н.э.), повествующей о завоеваниях Шапура I (241–272) на Востоке; Каш (Кеш) был «покорен» и династия Абтата в Южном Согде прекращается⁷³. В то же время, отсутствие сасанидских монет и продолжение собственного чекана не подтверждают факт захвата иранскими войсками восточных земель Согда. Вероятно, в поисках союзников в борьбе с сильным противником правители Кангюя обращают свой взор на восток, к Китаю. В «Хрониках троецарствия» Чэнь Шоу (III в.) говорится о получении правителями государства Вэй из западных стран, в том числе Канцзюя и Юэчжи, подношений. В «Записках» о правлении императоров Западная Цинь есть данные об отправке в Китай в середине эры Тай-ши (265–274) лошадей от правителя Канцзюя и о посольстве из этой страны в 287 г.⁷⁴

Внутренние центробежные тенденции и внешние войны, связанные, скорее, с новой кочевой волной, нежели с активизацией сасанидского Ирана⁷⁵, приводят к распаду Кангюйской конфедерации и образованию союза согдийских княжеств⁷⁶. Это, возможно, находит подтверждение и в недавно обнаруженных на городище Культобе в Южном Казахстане документах⁷⁷, в которых упоминаются правители согдийских владений Самарканда, Кеша, Нахшаба и Бухары, участвовавших вместе с «предводителем чачского народа» (область Ташкента) в строительстве крепости

⁷⁰ Массон 1977, 29.

⁷¹ Сулейманов 1995, 103.

⁷² Пугаченкова 1989, рис. 45, 49.

⁷³ Шахрисабз... 2002, 14.

⁷⁴ Боровкова 1989, 98, 99, 103. Упоминаются лошади в качестве даров от народа «канков» царю Юдхиштхире и в «Махабхарате» (II. 47. 15–31).

⁷⁵ Зеймаль, Седов 1979, 122.

⁷⁶ Малявкин 1989, 222–223.

⁷⁷ Подушкин 2005, 133–139.

на границе с номадами. По одной из точек зрения данное свидетельство отражает как процессы дезинтеграции Кангюя, так и указывает на серьезную опасность, угрожавшую, по-видимому, в III в. н.э. земледельческим районам с севера⁷⁸.

На смену Кангюю приходит другое государство – Чжэшэ (хроники Северной Вэй, 384–534 гг.). Согласно «Вэй Ши», земли Судэ (Сутэ) были захвачены гуннами, возможно, хионитами греко-римских источников. Образованное во главе с ними новое мощное кочевое объединение в 340–390-х годах принимало участие в делах Ирана⁷⁹.

Еще одним преемником Канцзюя в китайских источниках назван Кан (Самарканд), которым правил династ из рода Чжао’у, что вызвало предположение об образовании после распада Кушанской империи в III в. двух самостоятельных кушанских государств – в Согде (раннесредневековые правители долины Зеравшана возводили свое происхождение к кушанской династии) и в Индии⁸⁰. Согласно «Бэй Ши» и «Синь Тан Шу», из области Кеша, называемой также Ши (или Цзешуанна), правители Кана набирали войско. В китайских раннесредневековых источниках указывается южная граница всей земли народа согдийцев, которыми были «Железные ворота» в западных отрогах Гиссара, на юге Кеша.

Исторические и археолого-топографические данные свидетельствуют о том, что наивысшего подъема Кеш достигает в конце эпохи античности, когда Южный Согд, по-видимому, был единым владением под властью кешских династов. Главной причиной расцвета Восточной Кашкадарьи, несомненно, стал подъем экономики области, важнейшими составляющими которого, на наш взгляд, были рост сельхозпроизводства, основанный на расширении ирригационной сети, развитие горнодобычи⁸¹ и транзитной торговли. В эпоху поздней античности достигается максимальное освоение всех районов Кеша и значительно возрастает численность населения.

В отличие от соседних областей, в Кеше нет ярких свидетельств, говорящих об упадке экономики и в IV–V вв. Менее урбанизированная, чем Бактрия-Тохаристан, и более защищенная, чем степной Нахшаб, область значительно легче перенесла потрясения переходного периода. Сохраняются элементы высокой культуры предшествующего времени, ставшее основой его расцвета в пору раннего средневековья. Многие поселения V–VI вв., особенно в западной части Кеша, возникают на месте позднеантичных⁸², причем ряд из них, по-видимому, был основан выходцами из соседних согдийских областей⁸³, привлеченных более стабильной политической и экономической ситуацией.

Литература

Абдуллаев К. 1997: О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // РА. 4, 54–59.

Абдуллаев К. 1999: Реч. на кн.: Indo-Greek, Indo-Scythian and Indo-Parthian Coins in the Smithsonian Institution / By Osmund Boperachchi. Washington, 1993 // НЦА. 4, 87–88.

Абдуллаев К. 2002: Кеш, Нахшаб и «Гава, где живут согдийцы» (К вопросу о локализации легендарной Гавы) // Шахрисабз шахрининг жохон тарихида тутган урни. Тез. докл. международной конференции. Ташкент, 34–36.

⁷⁸ Sims-Williams, Grenet 2006, 106–107.

⁷⁹ *Amm. Marc.* XVI. 9. 4; XVII. 5. 1; XVIII. 6. 22; XIX. 1. 7–11, 2. 1–6; Семенов 2010, 146–148.

⁸⁰ Фрай 2002, 278.

⁸¹ Пругер 1980, 29; Сагдуллаев 1987а, 133; Рузанов 1999, 7.

⁸² Крашенинникова 1985а, 63.

⁸³ Кабанов 1981, 68–69, 119.

Авеста 1990: Авеста. Избранные гимны / И.М. Стеблин-Каменский (пер. с авест. и коммент.), В.А. Лившиц (предисл.). Душанбе.

Бабушкин Л.Н., Козгай Н.А. 1964: Физико-географическое районирование УзССР // Вопросы географического районирования Средней Азии и Узбекистана. Сб. науч. тр. ТашГУ. География. 231. Ташкент, 5–247.

Бартольд В.В. 1964: К вопросу о языках согдийском и тохарском // Сочинения. В 9 томах. Т. 2. Ч. 2. М., 461–470.

Бартольд В.В. 1965: К истории орошения Туркестана // Сочинения. В 9 томах. Т. 3. М., 97–236.

Бирюков Д.В. 2002: Диодот или Евтидем? // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 26–31.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). 1950: Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.–Л.

Боперачи О. 1990: Подражания монетам Евтидема I и дата независимости Согдианы // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. Советско-французского коллоквиума. Самарканд–Ташкент, 30–31.

Боровкова Л.А. 1989: Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (Историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.

Гафуров Б.Г. 1989: Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Б.А. Литвинский (отв. ред.). Т. I. Душанбе.

Грене Ф. 2002: Заметки о топонимике Наутака // Шахрисабз шахрининг жохон тарихида тутган урни. Тез. докл. международной конференции. Ташкент, 10–11.

Дресвянская Г.Я. 1990: Южносогдийские трассы Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в древности и средневековье. Тез. докл. симпозиума ЮНЕСКО. Самарканд–Ташкент, 56–58.

Зеймаль Е.В. 1983: Древние монеты Таджикистана. Душанбе.

Зеймаль Т.И., Седов А.В. 1979: Комплексы кушано-сасанидского времени в Южном Таджикистане // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Всесоюзного научного совещания. Ташкент, 120–122.

Исамиддинов М.Х. 1979: Стратиграфия Еркургана и некоторые вопросы этнокультурных связей Согда и Бактрии в античное время // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Всесоюзного научного совещания. Ташкент, 63–65.

Исамиддинов М.Х. 2002: История городской культуры Самаркандского Согда (Проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент.

Исамиддинов М., Рапэн К., Хасанов М. 2002: Кангюйская аристократическая могила около Самарканда и нашествия кочевников в Среднюю Азию // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы. Традиция и современность. Тез. докл. международной научной конференции. Самарканд, 26–27.

История таджикского народа 1998: История таджикского народа / Б.А. Литвинский, В.А. Ранов (ред.). Т. I. Душанбе.

Кабанов С.К. 1955: Археологические разведки в верхней части долины Кашкадарьи // Труды ИИА АН УзССР. 7. Ташкент, 77–114.

Кабанов С.К. 1962: Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе // ИМКУз. 3, 42–53.

Кабанов С.К. 1977: Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент.

Кабанов С.К. 1981: Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. Ташкент.

Кадимги Кеш-Шахрисабз... 1998: Кадимги Кеш-Шахрисабз тарихидан лавхалар / А.С. Сагдуллаев (отв. ред.). Ташкент.

Кашкадарьинская область 1959: Кашкадарьинская область Т. I. Природа (Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. 155. Географические науки. Кн. 14). Ташкент.

Квинт Курций Руф 1963: История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / В.С. Соколов (ред.). М.

Кошеленко Г.А. 2007: Новые документы из Бактрии позднеакхеменидского и раннеэллинистического времени / Рец. на кн.: Sh. Shaked. Le satrape de Bactriane et son gouverneur. Documents achéménides du IV s. avant notre ère provenant de Bactriane (Persika 4). Paris, 2004 // ВДИ. 2, 216–220.

Крашенинникова Н.И. 1968: Разрез крепостной стены древнего Кеша // ОНУз. 9, 60–64.

Крашенинникова Н.И. 1985а: К типологии античных поселений восточной части Южного Согда // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тез. докл. международной конференции. Ташкент, 62–64.

Крашенинникова Н.И. 1985б: Раскопки в Китабском районе // АО 1983, 533–534.

Крашенинникова Н.И. 1986: Древнеземледельческий оазис Южного Согда // АО. 1984, 461.

Крашенинникова Н.И. 1989: Прошлое Китаба // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах '89 / Э.В. Ртвеладзе (сост.). Ташкент, 27–33.

Лионе Б. 2000: Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай-Ханума // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М., 75–77.

Луконин В.Г. 1969: Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 2, 20–44.

Лунина С.Б., Столярова Н.П., Дресвянская Г.Я. 1974: Археологические разведки в Камашинском районе // АО. 1973, 482–483.

Лушпенко О.Н. 1988: Изучение поселений раннежелезного века в Шуробсайском оазисе // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Сб. научных трудов Ташкентского государственного университета. Ташкент, 22–30.

Лушпенко О.Н. 1998: Раннежелезный век Южного Согда (по материалам памятников Китабского и Яккабагского районов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.

Малявкин А.Г. 1989: Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск.

Массон В.М. 1986: Взаимодействие традиций в городской культуре Бактрии и Согда // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Тез. докл. Советско-французского коллоквиума. Ташкент, 59–61.

Массон М.Е. 1968: К вопросу о северных границах государства «Великих кушан» // ОНУз. 8, 14–25.

Массон М.Е. 1973: Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент.

Массон М.Е. 1977: Работы Кешской археолого-топографической экспедиции Ташкентского государственного университета (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области // Археология Средней Азии. Сб. научных трудов Ташкентского государственного университета. 533. Ташкент, 3–63.

Мусакаева А. 1990: Монеты Гиркода // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. Советско-французского коллоквиума. Ташкент, 68–71.

Мусакаева А.А. 1999: Древнебухарский чекан Согдианы (К вопросу о начальной дате правления Евтидама) // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. Тез. докл. научной конференции, посвященной 60-летию Р.Х. Сулейманова. Самарканд, 78–80.

Наймарк А.И. 2008: О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // ВДИ. 1, 55–70.

Негматов Н.Н., Беляева Т.В. 1988: Исследование Нуртепа в 1981 г. // АРТ. 1981. XXI, 19–31.

Омельченко О.В. 1992: Культура античного Согда по археологическим данным (VII в. до н.э. – VII в. н.э.). М.

Омельченко А. 2000: Терракотовые статуэтки лютников с поселения Сарайтепа // Санъат. 4, 8–9.

Омельченко А.В. 2001: Подражание драхме с типом Александра Македонского из Южного Согда // НЦА. V, 14–15.

Омельченко А.В. 2002: Культура III в. до н.э. – IV в. н.э. // Шахрисабз. Наследие тысячелетий. Альбом. Ташкент, 61–71.

Омельченко А.В. 2003: Археолого-топографическое обследование памятников эпохи античности в Аякчинском оазисе (Китабский район Кашкадарьинской области) // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. Самарканд, 118–124.

Омельченко А.В. 2006: Керамические комплексы эллинистического времени из области Кеш (по материалам городища Подаятактепа) // РА. 3, 137–142.

Омельченко А.В. 2010: Керамические комплексы эпохи античности из восточных районов Южного Согда (по материалам поселения Сарайтепа) // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. М., 127–143.

Омельченко А., Мамадиев Б. 1999: Раскопки на городище Подаятак в Китабском районе // ОНУз. 1–2, 72–75.

Оранский И.М. 1960: Введение в иранскую филологию. М.

Пилипко В.Н. 2002: Роль Парфии в разгроме государства бактрийских греков // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 209–213.

Подушкин А.Н. 2000: Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – IV в. н.э. Туркестан.

Подушкин А.Н. 2005: Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // SHYGYS. 2. Алматы, 133–139.

Пославская О. 1987: В горах Южного Узбекистана. Ташкент.

Пругер Е.Б. 1980: Древние горнопромышленные объекты юга Узбекистана // Материалы по истории, историографии археологии. Сб. научных трудов Ташкентского государственного университета. 630. Ташкент, 27–34.

Пругер Е.Б. 1986: Горный промысел Южного Согда. Ташкент.

Пугаченкова Г.А. 1989: Древности Мианкаля. Ташкент.

Пьянков И.В. 2004: Античные источники о Средней Азии и их интерпретация (по поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапена) // ВДИ. 1, 96–110.

Рапен К., Рахманов Ш. 2002: Александр Македонский у Железных ворот в Согдиане // Шахрисабз шахрининг жохон тарихида тутган урни. Тез. докл. международной конференции. Ташкент, 45–49.

Ртвеладзе Э.В. 1981: Ксениппа–Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 95–101.

Ртвеладзе Э.В. 1988: Монеты Кеша // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Сб. научных трудов Ташкентского государственного университета. Ташкент, 38–43.

Ртвеладзе Э.В. 2000: Эюд по исторической географии Бактрии и Согдианы во время похода Александра Македонского // ВДИ. 4, 104–112.

Ртвеладзе Э.В. 2002: Южносогдийские монеты династии Абтата с изображением Геракла и Зевса // Шахрисабз шахрининг жохон тарихида тутган урни. Тез. докл. международной конференции. Ташкент, 123–126.

Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. 2000: Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент.

Рузанов В.Д. 1999: Некоторые аспекты развития металлообработки Южного Согда в первой половине I тыс. до н.э. // Древний Карши, история культуры и градостроительства Средней Азии. Тез. докл. конференции. Карши, 6–7.

Сагдуллаев А.С. 1979: Античные поселения предгорий Яккабага // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Всесоюзного научного совещания. Ташкент, 80–82.

Сагдуллаев А.С. 1980: Раскопки и разведки в долине Кашкадарьи // АО. 1979, 457.

Сагдуллаев А.С. 1981: Древние пути на юге Узбекистана // ОНУз. 7, 33–38.

Сагдуллаев А.С. 1984: Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи // СА. 3, 154–161.

Сагдуллаев А.С. 1987а: Особенности оседлого расселения в Южном Согде в эпоху античности // Городская культура Бактрии–Тохаристана и Согда. Материалы Советско-французского colloquium. Ташкент, 131–134.

Сагдуллаев А.С. 1987б: Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа (некоторые итоги исследований в 1976–1986 гг.) // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Сб. научных трудов Ташкентского государственного университета. Ташкент, 3–16.

Сагдуллаев А.С. 1988: К вопросу о второй столице Согдианы // СА. 4, 223–230.

Сагдуллаев А.С., Лушпенко О.Н. 1989: Новые данные к изучению древнесогдийских поселений // ОНУз. 12, 40–42.

Семенов И.Г. 2010: К реконструкции политической истории Картли (Иберия) в последней трети IV века // ВДИ. 2, 138–148.

Ставиский Б.Я. 1977: Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.

Сулейманов Р.Х. 1995: К инвазии присырдарьинских культурных традиций в раннесредневековый археологический комплекс Согда // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Тез. докл. международной конференции, посвященной 25-летию образования Института археологии АН РУз и 60-летию акад. А.А. Аскарова. Самарканд, 102–103.

Сулейманов Р.Х. 2000: Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент–Самарканд.

Толстов С.П. 1948: Древний Хорезм. М.

Усманова З.И. 1973: К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш // ИМКУз. 10, 52–57.

Усманова З.И., Дресвянская Г.Я. 1974: Новые данные к изучению памятников среднего течения Кашкадарьи // Материалы по истории и археологии Средней Азии. Сб. научных трудов Ташкентского государственного университета. 473. Ташкент, 15–27.

Усманова З.И., Сагдуллаев А.С. 1981: К изучению памятников Яккабагского района // Материалы по истории, историографии, археологии. Сб. научных трудов Ташкентского государственного университета. 582. Ташкент, 13–21.

Филанович М.И. 1990: Чач и Согд на пути кочевников в Бактрию // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. Советско-французского colloquium. Ташкент, 102–104.

Фрай Р. 2002: Наследие Ирана / М.А. Дандамаев (ред., предисл.), В.А. Лившиц, Е.В. Зеймаль (пер.). М.

Шахрисабз... 2002: Шахрисабз: наследие тысячелетий. Альбом / Э.В. Ртвеладзе, А.С. Сагдуллаев (ред.). Ташкент.

Шевяков А. 2002: О географической локализации «Скалы Аримаза» // Урта Осиё археологияси ва маданияти. Тез. докл. научной конференции, посвященной 60-летию акад. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент, 123–124.

Шушкова Г.В. 1975: Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 2, 60–79.

Rtveladze E.V. 1990: On the historical Geography of Bactria-Tokharistan // Silk Road Art and Archaeology. 1. Tokyo, 1–33.

Sims-Williams N., Grenet F. 2006: The Sogdian inscriptions of Kultobe // SHYGYS. 1. Алматы, 95–113.

FROM THE HISTORY OF THE KITAB-SHAKHRISABZ OASIS (ANCIENT KESH)

A. V. Omelchenko

Ancient Kesh was an area of Central Asia situated in the upper reaches of the Kashkadarya river in today's South-Eastern Uzbekistan. Combining data of written sources, numismatics and archaeology, the author tries to reconstruct the political history of Kesh in the 4th century BC – 4th century AD in a more general context of Sogdian history. For this purpose he uses the data of new Central Asian sources, as well as Greco-Roman, Chinese and Armenian sources, archaeological and topographic materials from the research works of the Department of Archaeology of Tashkent State University, including his own contributions. He supposes that an independent domain could have existed in Kesh since the late 3rd century BC and flourished in the period of Late Antiquity.

© 2011 г.

Э. В. Ртвеладзе, А. Н. Горин

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ КАМПЫРТЕПА

В статье публикуются селевкидские и греко-бактрийские монеты, найденные в ходе археологических работ Тохаристанской археологической экспедиции Института искусствознания АН РУз. на городище Кампыртепа в период 1979–1991 и 1999–2010 гг.

Ключевые слова: Северная Бактрия, Кампыртепа, селевкидские монеты, греко-бактрийские монеты, подражания греко-бактрийским монетам.

С Борисом Анатольевичем Литвинским, так же, как и с его замечательной супругой, Еленой Абрамовной Давидович, одного из авторов этой статьи связывала давняя и очень крепкая дружба. Эта дружба была закреплена не только общими научными интересами и взаимной симпатией, которую мы испытывали друг к другу на протяжении почти полувека, но и общей alma mater и общими учителями. Кафедра археологии исторического

Ртвеладзе Эдвард Васильевич – академик АН Узбекистана, доктор исторических наук, заведующий отделом истории искусств Института искусствознания АН Республики Узбекистан.

Горин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории искусств Института искусствознания АН Республики Узбекистан.